

Къ вопросу о крещеніи Владиміра Святого и христіанизаціи при немъ Руси.

Послѣ своей побѣды—въ союзѣ съ норманами—надъ братомъ Ярополкомъ Кіевскимъ, Владиміръ изъ языческаго города Новгорода явился въ Кіевъ княжить убѣжденнымъ язычникомъ¹⁾ и здѣсь постарался объ укрѣпленіи язычества, испытавшаго уже въ Кіевѣ нѣкоторое колебаніе у себя почвы послѣ трехъ княжескихъ попытокъ водворенія христіанства²⁾ и въ виду частыхъ торговыхъ сношеній съ христіанскими сосѣдними народами.

Однако скоро кіевская атмосфера,—благодаря широкимъ торговымъ связямъ Кіева съ Византіей и другими христіанскими народами—и частые походы Владиміра³⁾ совершили крупный переломъ въ міросозерцаніи Владиміра.

Въ Кіевѣ онъ убѣдился скоро, что вывезенные имъ изъ Новгорода норманы—здѣсь уже элементъ антигосударственный, который нужно удалить изъ Кіева, и что въ видахъ естественнаго культурнаго роста Кіевской Руси и процвѣта-

¹⁾ Это отмѣченное лѣтописью обстоятельство рѣшительно говоритъ противъ допускаемаго Н. И. Коробкой (болѣе рѣзко, чѣмъ другими) мнѣнія, будто Владиміръ принялъ христіанство отъ западныхъ нормановъ,—тогда бы онъ вывезъ его изъ Новгорода (см. ст. Коробки во 2 кн. XI т. „Изв. Отд. Р. Я. и Сл. И. А. Н.“), срв. ст. А. И. Соболевскаго въ 4 кн. тѣхъ-же „Извѣстій“ 1906 г.

²⁾ Мы принимаемъ три такихъ попытки—Аскольда, св. Ольги и Ярополка, см. нашу ст. „Христіанство Руси до Владиміра Св.“ въ ж. „Вѣра и Разумъ“ 1912 г. №№ 9 и 10 и отд. отт.

³⁾ Между ними былъ походъ на болгаръ—по мнѣнію И. А. Линиченко („Тр. К. Д. Ак. 1886 г. дек.) и А. А. Шахматова („Разысканія о древн. русск. лѣтоп. свод.“, С.-П.-Б., 1908 г., стр. 175—176), именно дунайскихъ, давнихъ христіанъ-славянъ.

нія его княжества невозможно уже Руси стоять одиноко отъ другихъ народовъ со своей отсталой, первобытной языческой религіей. Кіевъ въ то время былъ гораздо культурнѣе Новгорода и въ этомъ смыслѣ повліялъ на Владиміра, заинтересовавъ его возможностью культурнаго прогресса въ союзѣ и близкомъ общеніи съ болѣе развитыми и лучше матеріально обставленными народами. Основа успѣха въ этомъ отношеніи полагалась въ религіозной реформѣ, и нѣтъ ничего удивительнаго, что Владиміръ внимательно присматривался къ религіи и жизненному укладу сосѣднихъ народовъ. Надобности въ посылкѣ особыхъ посольствъ по сосѣдямъ съ религіозной цѣлью не было, и лѣтопись, конечно, въ данномъ случаѣ, рассказывая о такихъ посольствахъ, допускаетъ элементъ легендарный.

Голубинскій вполне основательно доказываетъ легендарность Владиміровыхъ посольствъ для испытанія лучшей вѣры, но, думается, при этомъ нѣсколько модернизируетъ психологію русскаго князя X вѣка. Перемѣна имъ вѣры была задумана и предпринята вначалѣ скорѣе по чисто внѣшнимъ впечатлѣніямъ и побужденіямъ; искренно—сердечное-же и болѣе или менѣе глубокое проникновеніе христіанскими идеями Владиміра могло быть лишь въ результатъ продолжительнаго, въ теченіе всей остальной жизни, сосредоточенія вниманія на христіанской религіи и изученія ея догматовъ.

II безъ посольствъ Владиміръ—частію лично, частію отъ бывалыхъ Кіевлянъ и пріѣзжихъ людей легко могъ узнать и безъ сомнѣнія узнавалъ, гдѣ кто какъ вѣруетъ и какъ живетъ ¹⁾. Долго на этотъ счетъ колебаній у Владиміра быть не могло: Византія стояла тогда слишкомъ выше всѣхъ прочихъ странъ по своему величію и культурности, чтобы съ нею могъ кто въ этомъ смыслѣ конкурировать, да и давнія политико-экономическія связи Руси съ Византіей говорили,

¹⁾ Такой именно характеръ должны были скорѣе всего имѣть попытки Владиміра знакомиться съ религіями сосѣдей; лѣтописные и иные рассказы о посольствахъ Владиміра (см. „Кіевскую Старину“ 1884 г. декабрьск. кн.—ст. Іоны Берхина „Еврейскій документъ о посольствахъ св. Владиміра для испытанія вѣръ“, въ „Запискахъ Восточнаго Отдѣленія Имп. Русскаго Археологическаго Общества“, т. 9, вып. 1—4, С.-П.-Б., 1895 г., ст. В. Бартольда „Новое мусульманское извѣстіе о русскихъ“ стр. 265—266 и др.) превращаютъ въ легендарные образы и цѣлыя сказанія о посольствахъ то, что въ Кіевѣ дѣлалось гораздо проще и цѣлесообразнѣе.

конечно, въ пользу послѣдней ¹⁾. Съ Владиміромъ въ массѣ согласной оказалась въ данномъ случаѣ,—послѣ крещенія Ольги, походовъ Святослава и послѣдующихъ событій,—и дружина Кіевская. Въ единеніи съ дружиной,—опорой князя и его власти,—и принялъ крещеніе изъ Византіи Владиміръ, когда представился удобный къ тому случай. Въ этомъ великомъ дѣлѣ Владиміра мы видимъ участіе не только сердца, но и ума его: его интересуется религіозная реформа не только сама по себѣ, но въ связи съ государственно-культурнымъ ея значеніемъ.

Подвергнувъ серьезной критикѣ лѣтописный рассказъ о крещеніи Владиміра—при свѣтѣ другихъ-русскихъ, византійскихъ и арабскихъ письменныхъ источниковъ, Е. Е. Голубинскій обстоятельство крещенія Владиміра представилъ, говоря очень кратко, въ такомъ видѣ: Владиміръ лично крестился тайно въ 987 году при заключеніи военнаго союза съ Византіей, народъ-же крестилъ уже послѣ взятія Корсуня и женитьбѣ на греческой царевнѣ Аннѣ—въ 989 или 990 г. ²⁾. Однако вскорѣ за симъ—еще въ 1886 г. профессоръ И. А. Линниченко счелъ неудобнымъ разрывать хронологически два событія—крещеніе самого Владиміра и крещеніе Кіевлянъ, и отнесъ то и другое разомъ къ осени 989 г. ³⁾.

Въ пользу такого хронологическаго объединенія этихъ двухъ событій нынѣ высказывается на основаніи глубокаго изученія лѣтописнаго матеріала и академикъ А. А. Шахматовъ, относящій однако крещеніе—и Владиміра, и Кіевлянъ—къ 987 г. т. е. сразу послѣ заключенія союза съ Визан-

¹⁾ Н. И. Коробка (см. уп. статью его во 2 кн. XI т. „Изв. Отд. Р. Яз. и Сл. И. Ак. Н.“) правъ, конечно, что Владиміръ тогда плохо разбирался въ догмѣ и обрядности, но—вопреки ему—мы полагаемъ, что, независимо отъ этого, у Владиміра былъ надежный критерій пойти за христіанствомъ въ Византію, а не на Западъ, какъ допускаетъ г. Коробка,—именно въ силу отмѣченнаго превосходства Византійской культуры и тѣсныхъ экономическихъ связей Руси съ Византіей; не говоримъ уже о голословности даннаго утвержденія г. Коробки относительно крещенія Владимірова.

²⁾ Вслѣдъ за Голубинскимъ (см. 1 п. I т. его „Исторіи русской церкви“) идетъ В. З. Завитневичъ—см. его ст. „О мѣстѣ и времени крещенія св. Владиміра и о годѣ крещенія кіевлянъ“—„Тр. Кіев. Д. Ак.“ 1888 г. янв. кн.—и др.

³⁾ См. его ст. „Современное состояніе вопроса объ обстоятельствахъ крещенія Руси“ въ „Тр. Кіев. Д. Ак.“ 1886 г. декабр. кн.

тей и бесѣды Владиміра съ греческимъ миссіонеромъ, раскрывшимъ ему главныя основы христіанской религіи ¹⁾. Къ этому послѣднему взгляду позволимъ себѣ примкнуть и мы.

Лѣтопись представляетъ Владиміра въ вопросѣ о перемѣнѣ вѣры дѣйствующимъ въ полномъ согласіи и единеніи съ дружиною ²⁾, и это лѣтописное преданіе состоитъ въ полномъ соотвѣтствіи съ современнымъ научнымъ представленіемъ о тогдашней роли князя на Руси, опиравшагося всегда на дружину ³⁾, тѣсно съ нею связаннаго и при томъ имѣвшаго свою власть въ согласіи съ народнымъ вѣчемъ ⁴⁾. Отсюда совершенно невозможно допускать, чтобы князь зачѣмъ-то крестился-бы потихоньку отъ дружины и народа: отъ дружины этого скрыть нельзя было, да и незачѣмъ это было дѣлать, такъ какъ безъ поддержки дружины князь рѣшительно не могъ предпринять такого серьезнаго шага, какъ религіозная реформа; поддержка-же дружины, давая государственный смыслъ крещенію князя, должна была, конечно, сопровождаться безотлагательнымъ крещеніемъ ея, а затѣмъ, разумѣется, и народа—сразу-же, чтобы покончить все дѣло поскорѣе, дабы не давать разгораться пламени народнаго неудовольствія на потрясеніе старыхъ основъ жизни.

При этомъ самые переговоры Владиміра съ Византійскими послами о перемѣнѣ вѣры были фактомъ слишкомъ значительнымъ и замѣтнымъ въ жизни Кіева, чтобы его можно было скрыть не только отъ дружины, но и отъ народа.

Съ другой стороны естественнѣе допустить, что сразу-же, болѣе или менѣе основательно познакомившись съ христіанской религіей и склонившись на ея сторону послѣ бесѣды съ христіанскимъ миссіонеромъ, Владиміръ поспѣшилъ осуществить рѣшенную имъ перемѣну религіи. Въ данномъ случаѣ поспѣшность Владиміра могла объясняться не только искреннимъ расположеніемъ къ новой вѣрѣ и признаніемъ

¹⁾ См. въ „Разысканіяхъ“ его—въ главѣ 5-й и др., также въ ст. „Корсунская легенда“—во 2 т. „Сборника статей въ честь В. И. Ламанскаго“ С.-П.-Б., 1908 г., и отд. отт.

²⁾ См. въ Лаврентьевской лѣтописи по изд. Археогр. Комм. 1872 г. стр. 104, 105, 115, срв. 123—124.

³⁾ Вспомнимъ, что и Святославъ религіозный вопросъ рѣшалъ ссылкой на авторитетъ дружины.

⁴⁾ См. „Русск. юридич. древности“ В. И. Сергѣевича, С.-П.-Б., 1890 г., С. А. Корфа—„Исторія русск. государственности“, С.-П.-Б., 1908 г., Ѳ. Ѳ. Зигеля ст. въ „Ж. М. Н. П.“, 1908 г., март. кн. и др.

важности и полезности религіозной реформы, но также и соображеніями другого порядка: закрѣпить связь съ Византіей такимъ образомъ, чтобы потомъ уже не было отступленій, и приготовиться самому и приготовить соотвѣтствующую христіанскую обстановку къ прибытію въ Кіевъ желанной высокой гостыи—нареченной невѣсты—Византійской царевны. Неудивительно, что и Голубинскій принимаетъ также поспѣшность крещенія Владиміра послѣ оглашенія его греческимъ миссіонеромъ и заключенія договора съ Византіей, даже отрывая его крещеніе отъ народнаго по своимъ особымъ соображеніямъ.

Мы позволимъ себѣ однако высказать нѣсколько своихъ соображеній по поводу лишь года крещенія Владиміра и Кіевлянъ, послѣдовавшаго болѣе или менѣе совмѣстно, почти одновременно или съ самымъ незначительнымъ промежуткомъ времени.

Варда Фока, побудившій Византійскаго императора искать союза съ Русью, взбунтовался и провозгласилъ себя царемъ, по словамъ Яхъи Антохійскаго, 14 сентября 987 г.; послѣ этого между настоящимъ царемъ и самозванцемъ шла нѣкоторое время борьба, и только послѣ нея, убѣдившись въ ея бесплодности, императоръ Василій рѣшилъ искать помощи у Руси; въ результатѣ этого послано было посольство въ Кіевъ, которое туда, очевидно, не могло прибыть раньше декабря—января мартовскаго 987 г. Въ Кіевѣ нѣкоторое и, вѣроятно, довольно значительное время было потрачено на переговоры съ послами, затѣмъ на бесѣды съ прибывшими съ ними греческими миссіонерами, наконецъ, на приготовленія къ военному походу русской дружины въ Византію и на подготовку къ крещенію князя и Кіевлянъ. Слѣдовательно, прошло, вѣроятно, еще мѣсяца два—три. Затѣмъ крещеніе Кіевлянъ при той обстановкѣ, какая описана въ лѣтописи,—на Днѣпрѣ и т. д.,—могло произойти только лѣтомъ или въ концѣ весны; крещенію Кіевлянъ незадолго, по всей видимости, предшествовало крещеніе самого Владиміра, не имѣвшаго и надобности, и даже возможности разрывать эти два событія длиннымъ промежуткомъ времени. То и другое крещеніе, стало быть естественнѣе отнести на апрѣль или май мѣсяцы,—но это уже будетъ новый мартовскій годъ, т. е. 988.

Такимъ образомъ, и при сопоставленіи недавно сра-

нительно извлеченныхъ-нерусскихъ данныхъ, ¹⁾ есть полная возможность,—смѣемъ думать-даже необходимость—остановиться все на томъ-же традиціонномъ лѣтописномъ 988 годѣ, какъ хронологическомъ моментѣ крещенія Владиміра и Кіевской Руси ²⁾.

Что событія, о которыхъ была рѣчь выше, не шли бы-стрѣе указаннаго нами, нѣкоторымъ подтвержденіемъ этого является извѣстіе о томъ, что предводитель возстанія противъ Византійскаго императора,—которое вызвало союзъ Владиміра съ Византіей, заключенный въ 987 г.,—что этотъ предводитель Варда Фока имѣлъ рѣшительное военное столкновение съ присланнымъ русскимъ отрядомъ лишь 8 марта 989 г. ³⁾ и окончательно былъ сломленъ и убитъ 13 октября 989 г.; стало быть, помощь Руси въ Византію подоспѣла не очень задолго предъ симъ и, значитъ, не такъ скоро по прибытіи пословъ изъ Византіи въ Кіевъ,—не раньше во всякомъ случаѣ конца лѣта или осени 988 г.; крещеніе-же Владиміра и Кіевлянъ должно было быть очень близкимъ по времени къ отсылкѣ вспомогательнаго отряда въ Византію, послѣ всѣхъ переговоровъ объ условіяхъ русско-византійскаго союза, порѣшившаго разомъ оба вопроса—и о военной помощи Византіи со стороны Руси, и о крещеніи Владиміра и Кіева ⁴⁾.

¹⁾ Академикъ А. И. Соболевскій въ 1888 г. выступалъ въ защиту 988 г., но поддерживалъ вѣрность лѣтописнаго года изъ довѣрія къ точности самой лѣтописи нашей (см. „Ж. М. Н. Пр.“ 1888 г. іюн. кн. ст. „Въ какомъ году крестился св. Владиміръ“), но потомъ онъ, кажется, отказался отъ своей защиты данной хронологической даты крещенія Руси.

²⁾ Древняя Русь вела счетъ не сентябрьскими годами, принятыми въ Византіи, а мартовскими именно или скорѣе лунными годами, начинавшимися весной—въ февралѣ или мартѣ—соотвѣтственно полнолунію весенней лунаціи, и счетъ этотъ, повидимому былъ самымъ древнимъ и чисто національнымъ, не поддававшимся вліянію „книжнаго“ византійскаго счисленія. См. изысканія Н. В. Степанова — „Таблицы для рѣшенія лѣтоп. задачъ на время“—„Изв. отд. р. я. и сл. А. Н.“ 1908 г. т. XIII, кн. 2, „Единицы счета времени“—„Чтен. И. Общ. Ист. и Др. Р.“ 1909 г. кн. 4, „Замѣтка о хронологич. ст. Кирика“—„Изв. отд. р. яз. и сл. А. Н.“ 1910 г. т. XV, кн. 3—и др.

³⁾ Сообщение писателя первой половины XI вѣка Яхъ и Антіохійскаго,—см. въ упом. ниже кн. барона Розена „Императоръ Василій Болгаробойца“ стр. 25.

⁴⁾ Кромѣ отмѣченныхъ уже работъ, см. еще по данному вопросу: кн. барона В. Р. Розена „Императоръ Василій Болгаробойца“ (представляющую значительное извлеченіе изъ лѣтописи Яхи Антіохій-

Крещеніе Владиміра произошло, конечно, въ Кіевѣ (или, быть можетъ, близъ него); взятіе-же Владиміромъ Корсуня, — съ каковымъ мѣстомъ лѣтописная легенда связываетъ личное крещеніе Владиміра, — произошло, какъ достовѣрно извѣстно, послѣ уже — не раньше осени 989 г., а можетъ быть, и въ 990 г., послѣ чего уже состоялся бракъ русскаго князя съ греческой царевной, на каковой въ Византіи окончательно согласились лишь послѣ Корсунской побѣды Владиміра. Приѣздъ, послѣ взятія Владиміромъ Корсуня, въ Кіевъ греческой царевны съ духовенствомъ и святынями имѣлъ, конечно, свое значеніе въ христіанизации Руси: Корсунская побѣда и „завоеваніе“, такъ сказать, Византійской царевны — упрочили авторитетъ Кіевскаго князя въ дружинѣ и народѣ и связали крещеніе Кіевлянъ съ несомнѣннымъ культурнымъ успѣхомъ, полученнымъ въ результатѣ новыхъ отношеній къ Византіи.

Великое дѣло Владиміра, — имѣвшее своимъ послѣдствіемъ признаніе его Церковью святымъ и равноапостольнымъ, — естественно очень рано — еще въ XI в. стало достояніемъ народныхъ сказаній и легендъ и послужило причиной, по которой этотъ князь лучше другихъ изъ древней Руси запомнился народной памятью и обычно фигурируетъ въ народныхъ былинахъ. Неудивительно поэтому, что представителямъ нашей науки трудно теперь отдѣлать въ лѣтописныхъ сказаніяхъ несомнѣнные историческіе факты отъ всякихъ прикрасъ, домысловъ и просто измышленій народной фантазіи. Тутъ еще, думается, широкое поле для новыхъ изысканій. Въ ожиданіи ихъ мы позволимъ себѣ высказать нѣсколько соображеній, — не претендуя на ихъ оригинальность, — по поводу крещенія Владиміра — общаго характера, которыя, быть можетъ, когда-нибудь сдѣлаются достояніемъ и точной исторической науки.

Во-первыхъ, переменна въ личности Владиміра, въ его характерѣ и нравахъ, не была такой разительной, какой предскаго, жившаго съ конца 70 г.г. X вѣка до 1066 г. приблизительно), СПб., 1883 г. (прилож. къ 44 т. Зап. Имп. Ак. Наукъ № 1), стр. 23, 194—202 и слѣд., ст. А. Л. Липовскаго „Ж. М. Н. Пр.“ 1891 г. ноябр. кн. — „Исторія греко-болгарской борьбы въ X—XI в.в.“, въ „Русско-Византійскихъ Отрывкахъ“ В. Г. Васильевскаго — „Ж. М. Н. Пр.“ 1876 г. март. кн. и др.

1) Полагаемъ, въ лѣтописи нѣсколько преувеличены не столько пороки Владиміра и его сильное увлеченіе язычествомъ до крещенія, сколько рѣзкій переломъ его характера сразу послѣ крещенія.

ставляетъ лѣтопись¹⁾: онъ, на примѣръ, послѣ крещенія остается княземъ воинственнымъ и попрежнему ведетъ частыя войны—и не только съ Печенѣгами, безпокойными кочевниками, но и съ Поляками, Камскими Болгарами, Хорватами¹⁾.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, во-вторыхъ, очень близкія связи Владиміра съ Византіей послѣ крещенія можно нѣсколько заподозрить: онъ, видно, не усвоилъ себѣ вполнѣ византійскихъ идей, не былъ безусловнымъ поклонникомъ Византіи, а въ значительной мѣрѣ жилъ „по устроенью отню и дѣдню“²⁾. Доказательствомъ этого нѣкотораго отчужденія Владиміра отъ Византіи или—точнѣе—неполнаго подчиненія вліянію Византіи можетъ особенно послужить несомнѣнно извѣстное, близкое и настойчивое общеніе Владиміра съ Западомъ и западными государями, врядъ-ли пріятное Византіи и ея духовенству,—и прежде всего неоднократныя добрыя сношенія его съ Римскимъ папой и латинскимъ духовенствомъ³⁾. Въ связи съ этимъ, вѣроятно, въ

¹⁾ Въ данномъ случаѣ нельзя оставлять совсѣмъ безъ вниманія показанія западнаго современника—Титмара Мерзебургскаго, который говоритъ, что христіанство не произвело на Владиміра никакого вліянія, такъ что онъ оставался попрежнему жестокимъ и женолюбивымъ. Очевидно, показанія нашей лѣтописи и Титмара—двѣ крайности, истины искать нужно между ними. См. „Scriptores rerum Germanicarum“ „Thietmari Merseburgensis episcopi chronicon“, изд. F. Kurze, Hannoverae, 1889 г., гл. VIII (VII), № 72 (52), стр. 236, срв. у Ѳ. Я. Фортинскаго „Титмаръ Мерзебургскій и его хроника“, СПБ., 1872 г., стр. 197.

²⁾ Въ Лаврентьевской лѣтописи стр. 124.

³⁾ Въ изд. Никоновской лѣтописи Арх. Комм. 1862 г., СПБ., см. стр. 57, 64, 65, 68, срв. 124 стр. Лаврентьевской и др. данныя. Вопреки Шахматову („Одинъ изъ источниковъ лѣтоп. сказ. о крещ. Владиміра“), сношенія Руси съ Западомъ и Римской церковью были довольно оживленными—какъ въ X, такъ и въ XI в. и позже,—срв. Wl. Abraham—„Powstanie organizacyi Kosciola lacinskiego na Rusi“, t. I, Lwów, 1904 г., также И. А. Линниченко—„Взаимныя отношенія Руси съ Польшей“, ч. I, Кіевъ, 1884 г., ул. ст. Н. И. Коробки и др. Г. Величко въ ст. „Політичні и торговельні взаемини Руси і Византії въ X и XI ст.“ („Записки Науковаго Товарищества імени Шевченко“, у Львові, 1895 г., кн. 2) указываетъ, что крещеніе изъ Византіи имѣло своимъ дурнымъ послѣдствіемъ удаленіе Руси отъ Запада, пошедшаго затѣмъ впередъ по пути прогресса (стр. 25); но это удаленіе, несомнѣнно, было уже результатомъ послѣдующаго, продолжительнаго, въ теченіе поколѣній, вліянія византійскаго духовенства, и сказалось оно болѣе или менѣе замѣтно лишь во 2 половинѣ XI вѣка и позже, а не при Владимірѣ.

въ-третьихъ, мы не видимъ несомнѣнныхъ, древнихъ данныхъ о наличности при Владимірѣ въ Кіевѣ митрополита, повидимому, полученнаго Русью уже позже 1).

Отсутствіе на Руси при Владимірѣ митрополита,—если этотъ фактъ можно установить со всею точностью,—не представляетъ ничего страннаго: при Владимірѣ христіанъ на Руси было еще очень немного, такъ что, пожалуй, слишкомъ рано было еще думать о полной организаци Русской церкви въ цѣлую митрополию, да и врядъ-ли представлялось желательнымъ князю Кіевской Руси поставить сразу-же Русь въ строго опредѣленную церковную зависимость отъ Византіи, каковую именно должно было знаменовать поставленіе во главѣ Русской церкви греческаго митрополита. Осторожный и дальновидный Владиміръ, хорошо знавшій Византію по своимъ отношеніямъ съ нею около 987—989 г.г., имѣлъ основанія не особенно сближаться съ Византійскимъ правительствомъ, привыкшимъ смотрѣть на другія православныя страны, какъ на вассальныя себѣ 2). Иначе дѣло было при Ярославѣ, когда на Руси „умножишася прозвутери и людье хрестьянъстии“ 3), но тогда же мы видимъ поставленіе митрополита изъ русскихъ—Иларіона 4). Задача-же Владиміра,—прежде всего миссіонерская, а не церковно-организационная,—должна была побуждать его къ церковному сближенію пре-

1) См. въ Лаврентьевской лѣтописи по упом. изд. стр. 113, 119, 124, 148, 150,—срв. въ „Разысканіяхъ“ Шахматова стр. 415—416 и др. также въ ст. его „Одинъ изъ источниковъ лѣтописнаго сказанія о крещеніи Владиміра“—изъ сборника статей по славяновѣдѣнію, посвящ. проф. М. С. Дринову, Харьковъ, 1905 г.

2) См. нѣкоторыя данныя въ 1 гл. 1 т. уп. кн. W. Abraham'a.

3) См. въ Лаврентьевской лѣтописи стр. 149.

4) Учрежденіе митрополіи на Руси мы относимъ къ 1037 г., во-первыхъ, потому, что древнія, до XV в., свѣдѣнія начинаютъ списокъ митрополитовъ русскихъ лишь съ Θεопемпта (см. въ Новгород. лѣтописи“, СПб., 1888 г., стр. 69), во вторыхъ, потому, что подъ этимъ годомъ въ лѣтописяхъ обычно говорится объ учрежденіи митрополіи—даже въ Никоновской, несмотря на то, что раньше она сбивчиво говорила о прежнихъ митрополитахъ. Отрицательная сторона пребыванія на Руси митрополита-грека побудила Ярослава,—подобно отцу не желавшаго торжества полного вліянія Византіи на Русь,—поставить послѣ Θεопемпта—грека русскаго—Иларіона; начавшіяся послѣ Ярослава смуты помѣшали его преемникамъ бороться противъ усиленія византійскаго вліянія.

имущественно со славянской Болгаріей, которая могла дать ему и дѣйствительно дала славянскія богослужебныя книги, славянскую письменность и славянскихъ священниковъ¹⁾.

Наконецъ, въ-четвертыхъ, далеко не нужно преувеличивать успѣха христіанства на Руси при Владимірѣ.

Крестить Кіевъ,—уже знакомый съ христіанствомъ, имѣвшій въ своей средѣ нѣкоторый—хотя и небольшой—христіанскій элементъ,—было сравнительно не очень трудно князю, опиравшемуся въ этомъ дѣлѣ на сочувствіе дружины²⁾, въ Кіевѣ игравшей роль главенствующую. Иначе дѣло обстояло внѣ Кіева—и особенно подальше отъ этого центра, при значительной долѣ обособленности тогдашнихъ отдѣльныхъ „земель“ Руси³⁾.

Владиміръ предпринимаетъ крещеніе Руси и по другимъ мѣстамъ, кромѣ Кіева, но это крещеніе „мечомъ и огнемъ“,—имѣвшее значеніе не только религіозное, но вмѣстѣ и государственное—въ смыслѣ нѣкотораго спаянія отдѣльныхъ волостей Руси воедино,—должно было быть,—да и было несомнѣнно,—очень медленнымъ, затяжнымъ и вначалѣ не прочнымъ. Владиміръ только началъ побѣду христіанства на Руси надъ язычествомъ, но послѣднее еще долго было главной количественно здѣсь силой, равно какъ долго еще

1) М. Д. Приселковъ (см. его ст. въ 2 кн. XVII т. „Изв. Отд. русск. яз. и слов. И. Акад. Н.“ 1912 г.) Владиміру приписываетъ установленіе церковной зависимости Кіева отъ Болгарской Охриды, продолжавшееся затѣмъ будто-бы до 1036 г.,—но, во-первыхъ, затѣмъ Владиміру нужна была эта *зависимость*; во-вторыхъ, чѣмъ лучше была зависимость Кіева отъ Охриды, считавшейся въ Византіи „едва-ли не схизматической“ (а сидѣвшая въ Кіевѣ жена Владиміра Анна была вѣдь изъ Византіи!), зависимости отъ „вселенскаго“ патріарха; въ-третьихъ, почему она въ такомъ случаѣ не прекратилась въ 1019 г. съ подчиненіемъ Охриды Византіи; въ-четвертыхъ, какой смыслъ было заигрывать вслѣдъ за симъ съ Римомъ Святополку, разъ Римъ не нуженъ былъ въ качествѣ противовѣса Византіи, когда церковная зависимость и іерархія исходили отъ Болгарской Охриды? См. нашъ отвѣтъ г. Приселкову, печатающійся въ 1 кн. „Изв. Отд. р. яз. и сл. И. Ак. Н.“ за 1913 г.

2) См. упоминавшіяся уже мѣста изъ Лаврентьевской лѣтописи—стр. 104, 106, 115 и др.

3) См. напр. „Очерки обществ. и политич. строя древней Руси“ проф. М. А. Дьяконова, 2 изд., СПб. 1908 г., стр. 60—62, ст. въ „Ж. М. Н. Пр.“ Д. Щеглова—май 1876 г., проф. С. А. Корфа—іюль 1909 г. и др.

живы были старыя основы народной жизни и общественнаго строя. При помощи данныхъ Византійской культуры, распространенія новыхъ монархическихъ идей и болгарско-славянской письменности и славянскаго богослуженія, наконецъ, размѣщенія князей Кіевской династїи по отдѣльнымъ городамъ и волостямъ Руси,—при помощи всѣхъ этихъ средствъ съ Владиміра начинается упорная и продолжительная борьба христіанизовавшагося Кіева съ массой стойкаго въ язычествѣ русскаго славянства, которое сильнѣе язычествовало именно на сѣверѣ Руси, гдѣ прочнѣе были старыя норманско-новгородскія языческія религіозныя традиціи, равно какъ и старо-славянскій жизненный укладъ.

Владиміръ Пархоменко.

